

Передо мной стопки читательских писем, пришедших после выхода книги «У войны — не женское лицо...»

Не знаю как кого, а меня ничто так не потрясает, как человеческая исповедь. Я попробовала довериться живым голосам самой жизни.

Для начала несколько цитат, которые я выбрала.

Связистка Мария Ивановна Бочарова:

«...когда я вспоминаю о войне, то чувствую холод от наставленного в спину автомата. И жду выстрела... До сих пор не могу от этого избавиться...»

«Помню самый тяжелый сорок первый год. Немцы под Москвой... Я перевязываю раненого и плачу. Он меня спрашивает, почему я плачу. Я отвечаю, что немцы под Москвой.

— Москву немцам не взять, — сказал он и умер. (М. П. Атяшева, г. Гродно).

Ветеран войны Нина Ивановна Зеленова из Красноярского края:

«Все годы после войны старалась вытравить из памяти все ее ужасы, забыть о ней, и это мне удалось только в том, что я забыла номер части последней службы, а все остальное не забудется никогда...»

«...Имею однокомнатную квартиру, пенсию, но не имею здоровья. Живу на таблетках. Ушла на пенсию по второй группе инвалидности труда общего заболевания. Где я потеряла свое сердце, откуда у меня были инсульты? Я думаю, и так ясно: холод, окопы, землянки, мокрые валенки, жара 40—45 градусов и марш-броски при полной выкладке...»

Да, мы — история. Но не было бы нас, не было бы вас — так иной раз приходится напоминать молодым. И когда видишь равнодушные в их глазах, невольно задумываешься, начинаешь сомневаться: а может, то, что мы пережили, только наше?.. (В. Руденко, г. Запорожье).

«Прочла книгу, и каждой из этих женщин хочу поклониться в пояс. Я всех, всех их люблю. Они все мне матери». (Вика Казаренко, студентка, г. Гродно).

«Наши родители называют нас непонятными молодыми людьми. Им кажется, что мы другие, но это у них всегда звучит так, что мы не такие, как они, хуже. А мы просто другие, в другое время живем. У нас другие слова, другие одежды, но мы их дети, плоть от плоти, кровь от крови». (Костя Кедышко, без адреса).

Все тот же спор, что и сто, и двести, и триста лет назад. И мне слышится уже единый хор, в котором не различить отдельных голосов, отдельных имен:

«Горел город. Мне было очень страшно, потому что во мне был ребенок. А сейчас этот ребенок вырос и не хочет ничего такого знать...»

«Я с малым сыном находилась в семейном партизанском отряде. Во время блокады он просил меня, чтобы я бросила его в болото.»

«Погибали ребята с фотокарточками в кармане: матери, невесты, а кто постарше — жены, детей. Они были с нами всегда. Достанут перед боем: «Вот закончится война...»

Два конца человеческой жизни — старость и юность.

Начало и конец. Исток и устье.

В одном из писем прочла: «Как это можно забыть, это нужно помнить вечно?» Но, видно, каждое поколение живет по своим законам памяти».

Письмо из Ленинграда от Елены Ивановны Бабиной:

«Смотрю на своего внука, слышу его детский смех... И вспоминаю... Вспоминаю про своего брата, которому в сорок первом было шесть лет. Ни разу за всю войну я не слышала его детского смеха и никогда не видела его улыбку. Он был почти как взрослый, был угрюм и молчалив, часто о чем-то думал, мы с мамой не видели, чтобы он играл или баловался.

Один раз наши женщины

Сейчас живу одиноко. Много болею, недавно две операции были. Только по комнате сама перейти могу. Молоко и батон белого хлеба приносит мне одна соседка, вторая — творог... Долгими бессонными ночами не покидает меня мысль, что мимо бежит, горюпити новая, молодая жизнь. И все мимо, мимо меня. Мимо таких старых и никому теперь не нужных людей, как я. Хочется тогда спросить, крикнуть: «Почему вы плачете, когда смотрите о таких, как я, фильм или спектакль, но не позвоните в дверь, когда живете этажом выше или в соседнем доме?..»

Из письма В. Ананченко, бывшего зенитчика, командира орудия:

тогда они по-другому начинают смотреть не только на прошлое, но и на настоящее».

Немало среди писем и откровенных обид:

«...Совсем недавно я пережила большую обиду. Молодой человек лет тридцати, с высшим образованием, подошел ко мне (мы работаем на одном предприятии) и прямо в глаза мне выдал: «Ну и яки там с вас вояки булы?» Мне жарко стало от этих слов, сразу услышала сердце. И несколько дней ходила больная. Потом во мне заговорило чувство самозащиты. Написала в нашу стенную газету заметку об одной, только об одной девушке, вместе с которой служила в военно-полевой почте. А когда газе-

«Я родилась тогда, когда война давным-давно кончилась. И впервые услышала о ней от родителей и моей бабушки. Мои родители не воевали, но они — дети войны. Я очень благодарна им за то, что они часто рассказывают о войне.

Когда я читала Вашу книгу, а читала я ее долго. Откладывала, снова возвращалась. Кроме страха и боли, я испытывала... Ну, как это выразить? Не зависть, нет. Как это можно завидовать тому, что выпало на долю этим женщинам, что не отпускает их после войны, снится по ночам? Я читала и все время спрашивала себя: «А я так смогла бы? Сумела бы, как они?..» На фронт бы я, наверное, пошла. Точно бы пошла. Но вот там...

Как это страшно: первый бой, ползи под пулями, вытаскивать раненого. Как они жили, зная, что каждую минуту могут убить?

У людей, переживших войну, есть перед нашим поколением преимущество: без каждого из них не было бы сегодняшнего нашего мира, в котором мы живем уже сорок лет.

А как живем мы? Я не хочу ни оправдывать, ни обвинять тех, кто чуть старше или младше меня. Просто не имею на это право. И никто не имеет. Меня раздражают многие публикации в газетах и журналах, где нас, молодых, как только не называют и в чем только не обвиняют. А ведь мое поколение еще только в дороге, в пути, оно взрослеет медленно (время такое), но взрослеет. Я верю, что мое поколение состоится и даст много Родине. Но все равно, как много вот во мне лени, неорганизованности, эгоизма, себялюбия, презираю себя за любовь к модным тряпкам.

Скажите: как стать лучше? Как научиться быть сильной и всегда женственной? Вот как Ваши фронтовые девочки. Мне кажется, что не только я, многие из нас заняты не тем и не то принимают за главное и основное...

Татьяна».

И последнее письмо.

«Четыре раза я был ранен, и четыре раза меня вытаскивали из-под огня девчонки-санитарки. Последний раз тащит, а я был большой, тяжелый, да еще обе ноги перебиты, из сил выбивается. Помогаю, как могу, толкаю землю руками, раз ноги не слушаются. Она прилегла, я думал, она передохнет. Трогаю за плечо — не отзывается. Кричу, не отзывается. Убита!

Сорок лет после того живу, а лицо той девчонки перед глазами стоит... Недавно встретил на улице похожее молодое лицо и вздрогнул: она? А потом опомнился — сорок лет прошло. Но девчонка была такая похожая...»

Эти непонятные старые люди и эти непонятные молодые люди. Вот так перекликаются они во времени, храня ту тонкую цепочку, что идет от человека к человеку...

Как же прекрасно это — человеческое желание — отозваться в другом. Как оно понятно. Может быть, именно им и питается наша идея человеческого бессмертия.

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Над письмами читателей размышляет автор книги
«У войны — не женское лицо...» Светлана Алексиевич

увидели, как дети волокут по земле снопы, и ахнули: «Не надо, дети, мы сами, а то колоски осыпаются». Но дети не играли, они сразу сообразили и ухватились вдвоем за один сноп и целый день так помогали матерям. Женщины плакали, когда смотрели на них...»

«Я — детский врач Сталинграда, не смогу забыть до своего последнего часа четырехлетнего Юрочку Ширшидского, которого со станции на руках принес его отец — рабочий с завода «Красный Октябрь». Увидев ребенка, я обомлела. Нет, это был не ребенок, а серый мешок, наполненный жидкостью, вместо глаз шелки, на левой щеке большое черное пятно — омертвевшая ткань. Изголодавшийся ребенок заболел корью, затем воспалением легких, гнойным плевритом. И хотя каждые руки на заводе были на вес золота, я решила временно оставить отца при сыне — одни мы бы не справились. Малыш лежал отдельно от него, и нам-то, врачам, было страшно смотреть... Но... свершилось чудо! Очень медленно, но он начал поправляться, вот уже стал на ножки, начал заново учиться ходить. Когда он набрался сил, его перевезли в хирургическую клинику для пластической операции. После операции я его видела, дефект щечки еще оставался, но мальчик был спасен!

Может быть, Юра Ширшидский случайно прочтет мое письмо. Я буду счастлива на склоне лет узнать о нем, о его жизни. Ведь он — частица моей сталинградской души...» (Елизавета Абрамовна Наймарк, г. Москва).

За каждым письмом — своя судьба, одно только в них повторяется — слово «война». Москвичка Валентина Дмитриевна Громова:

«Три ранения и тяжелая контузия очень меня мучают. До сих пор ношу в себе четыре осколка, два вырезали. Мне кажется, что нет таких слов в человеческом языке, чтобы написать вам все, что я видела и пережила на фронте с сорок первого по сорок четвертый год.

«Прошло сорок лет, как девушки, с которыми я шел по фронтовым дорогам, сняли солдатские шинели, но война еще с ними. Не могут они выбросить ее из своего сердца — она отняла у них молодость. Это люди — без юности. Об этом надо знать всем и особенно чутко относиться к таким людям, и делать и помнить об этом не только в праздники, как это у нас часто бывает, а каждый день. Они рядом с нами всегда — в троллейбусе, в кафе, в магазине, в химчистке, живут на одной лестничной площадке. А мы что делаем? В праздник только в президиум посадим или цветы подарим...»

Пишет Любовь Михайловна Ильина из города Ростова-на-Дону:

«Для того чтобы вспомнить, написать эти строки, надо «вернуться в войну», а это так ужасно, мучительно. Когда она пришла, проклятая, на нашу землю, мне еще не вышло четырнадцать лет.

По мобилизации из тридцати второй школы имени Буденного уезжала в Сальскую степь на уборку урожая в помощь фронту. После второй оккупации Ростова в тяжелом состоянии друзья привезли меня домой. На станции, откуда нас собирались везти в Германию, не сговариваясь, мы бросились бежать. Многих тогда перестреляли, а остальных замкнули в вагонах, которые открыли только в Ковеле для санобработки... Однажды, придя в себя, в отчаянии я сказала: «Дали бы мне кусочек хлеба, я дала бы расписку, что в меня могут стрелять».

Поймет ли это тот, кто не пережил такого?..»

Волнует это и преподавателя Нежинского пединститута Павла Владимировича Михеда:

«Я часто слышу от студенческой молодежи, что она сознательно стремится обойти «дискомфортную» литературу. И всегда хотел, чтобы она читала именно такую литературу. Они тогда взрослеют, молодая душа высвечивается предчувствием истинной суровости бытия. Мне кажется, что

та была вывешена, взяла его за руку (в прямом смысле) и подвела к ней, заставила прочесть. Не отошла от него, пока не закончил читать. Потому что наша молодежь даже читать не хочет о войне.

Я не раз слышала в библиотеке: «Дайте мне другую книжку. Не люблю читать про войну...» Стыдно за них и больно за себя». (О. П. Малиновская, г. Львов).

«Прошла дорогами войны, охраняя и исправляя железные дороги, по городам (конечно, все запомнить не могла): Тула, Москва, Калуга, Ярославль, Старая Русса, Тарту... Дошла, можно сказать, пешком до Германии.

Осталась жива, война кончилась. При таких душевных волнениях не думала о том, что мне когда-то понадобятся какие-то документы. Вернулась домой, к матери. Тут и живу одна. Семья не сложилась, мать похоронила. И идет мне уже седьмой десяток. Сейчас уже нужно, чтобы мне помогли. Но ни военкомат, ни наш сельский Совет, ни школа, где я много лет работала техничкой, на мои просьбы не обращают внимания. Мне говорят: «Вы не были военно-обязанной». И просить стыдно, как будто мы Родине служили за бумажки, а не за совесть.

Хоть бы кто топливо к зиме завез. Слово доброе пришел и сказал...» (А. Маслова, Мордовская АССР).

«Я хочу рассказать о своей матери — Ириде Николаевне Тимофеевой. В первые дни войны она обратилась в военкомат: «Хочу пойти на фронт, так как Родина в опасности». Ей ответили, что у нее дети, а муж на фронте. Она сказала: «Мы пойдем на фронт все втроем — я и две мои девочки». И мы втроем пошли на фронт. Младшей моей сестре Маргарите в сорок четвертом исполнилось семнадцать лет... А теперь я хочу спросить себя: смогла бы, как мама, взять своих девочек и пойти с ними на войну? Не знаю. Знаю, что мама моя бессмертна». (А. Тимофеева, г. Москва).

А это письмо без адреса и без фамилии...